

СТИВЕН КИНГ

Бессонница



Издательство АСТ
Москва

Табби... и Элу Куперу, который знает правила игры
Я ни в чем не виноват.



ПРОЛОГ

Старость — это остров, окруженный смертью.

Хуан Монтальво. О прекрасном

1

Никто — и тем более Доктор Литчфилд — не сказал Ральфу Робертсу напрямую, что его жена умирает, но пришло время, и Ральф понял это сам, без чьей-либо подсказки. Месяцы между мартом и июнем слились в сплошную кошмарную беготню — это было время бесконечных бесед с врачами, вечерних пробежек в больницу с Каролиной, поездок в другие больницы в другие штаты для каких-то специальных анализов (большую часть времени, проведенного в этих поездках, Ральф не уставал благодарить Бога за то, что у Каролины был страховой полис «Голубого креста», покрывающий часть расходов, связанных с пребыванием в больницах) и самостоятельных изысканий в Публичной библиотеке Дерри: сначала — в поисках чего-то, что могли проглядеть специалисты, потом — просто в поисках надежды, соломинки, за которую можно было бы ухватиться.

Эти четыре месяца были похожи на какой-то жуткий карнавал, куда тебя затащили по пьяни, — на карнавал, где люди на аттракционах действительно кричат от страха, люди, потерявшиеся в зеркальных лабиринтах, теряются по-настоящему, а обитатели Павильона Уродов глядят на тебя с кривыми улыбочками на губах и неподдельным ужасом в глазах.

Это странное впечатление возникло у Ральфа еще в середине мая, а когда наступил июнь, он понял, что все эти ребята в больничных покоях норовят впарить ему какие-то шарлатанские снадобья, что исцелением здесь и не пахнет, а веселый скрип карусели уже не мог скрыть траурного похоронного марша, звучащего из динамиков. Да, это был карнавал — карнавал потерянных душ.

В первые недели девяноста второго года Ральф продолжал гнать от себя эти ужасные образы — и еще более страшную мысль, которая маячила там, за ними, — но в начале июля он понял, что дальше обманывать себя уже невозможно. В тот год стояла жуткая жара — такой жары в штате Мэн не было с семьдесят первого года, — и Дерри стал настоящей баней из подернутого дымкой солнца, невыносимой влажности и средней дневной температуры около сотни по Фаренгейту*. Город — отнюдь не шумный мегаполис и в более благоприятные времена — теперь окончательно впал в сонный ступор, и в этой жаркой тишине Ральф Робертс впервые услышал, как тикают часы смерти, и понял, что за этот короткий месяц — от прохладного июня до тяжелого душного июля — мизерные шансы Каролины на спасение и вовсе сошли на нет. Она скоро умрет. Может, и даже скорее всего, не этим летом (у докторов на руках обычно имеются кое-какие козыри, и Ральф был уверен, что и на этот раз что-то такое есть), но осенью или зимой — это точно. Человек, с которым он прожил долгие годы, единственная женщина, которую он любил в этой жизни, — умрет. Ральф гнал от себя эти мысли, обзывая себя старым параноиком, но в звенящей тишине жарких летних дней ему непрестанно слышалось это страшное тиканье — иногда ему казалось, что оно доносится даже из стен.

Но все-таки громче всего этот звук был в самой Каролине, и когда она поворачивалась к нему со своим спокойным бледным лицом — чтобы попросить его включить радио, пока она готовит фасоль на ужин, или принести ей мороженого из магазинчика «Красное яблоко», — в эти мгновения он понимал, что и она тоже слышит эти призрачные часы. Он это видел в ее темных глазах: и когда она была еще в сознании, и даже потом —

* около 35 градусов по Цельсию. — *Примеч. пер.*

когда ее взгляд уже был затуманен болеутоляющими таблетками, которые она принимала горстями. К тому времени тиканье стало уже очень громким, и в то душное лето, когда Ральф лежал без сна — когда одна простыня весила целую тонну, когда начинало казаться, что все собаки в Дерри воют на луну, — он слушал, слушал, как тикают часы смерти внутри Каролины, и ему представлялось, что его сердце сейчас разорвется от горя и ужаса. Сколько ей еще придется страдать, прежде чем все будет кончено? И сколько еще придется страдать ему? А главное, как ему жить потом, без нее?!

Именно в этот странный и жуткий период своей жизни Ральф начал совершать долгие и даже изнурительные прогулки. Он гулял жаркими летними днями и сумеречными вечерами, иногда он возвращался домой настолько уставшим, что даже не мог поест. Он все еще ждал и надеялся, что Каролина будет ругать его и отговаривать, что она скажет: «Зачем ты себя истязашь, старый дурак? Ты точно угробишь себя, если будешь столько ходить по такой жаре!» Но Каролина ничего не говорила, и постепенно он начал понимать, что она скорее всего и не знает об этих его долгих прогулках. Она была в курсе, что он куда-то выходит. Но она ничего не знала о всех тех милях, которые он проходил пешком, и не понимала, что он возвращается совершенно измученным, зачастую дрожа от усталости и едва не схлопотав солнечный удар. А ведь когда-то Ральфу казалось, что она замечает все — даже малейшие изменения в его прическе. Когда-то, но не теперь; опухоль в мозгу уже лишила ее былой наблюдательности, а скоро заберет и жизнь.

И он гулял, наслаждаясь жарой, даже несмотря на то что у него часто кружилась голова и звенело в ушах, — наслаждаясь по большей части именно из-за этого. Иногда у него звенело в ушах несколько часов кряду, причем звенело так громко и голова гудела так сильно, что он не слышал тиканья часов смерти, отмеряющих время, оставшееся Каролине.

Тем летом, в тот жаркий июль, он исходил почти весь Дерри — седой узкоплечий старик с большими руками, еще годными для работы, даже для самой тяжелой работы. Он гулял

от Витчам-стрит до Пустошей, от Канзас-стрит до Нейболт-стрит, от Главной улицы до Моста Поцелуев, но чаще всего ноги несли его по Харрис-авеню, где его по-прежнему прекрасная и по-прежнему любимая Каролина Робертс проживала свой последний год в тумане жутких головных болей и морфина, к Окружному аэропорту Дерри — там не росли деревья, и аэропорт был полностью открыт беспощадному летнему солнцу. Он шел вперед, пока ноги чуть ли не отнимались, и только потом поворачивал обратно.

Обычно он останавливался, чтобы перевести дыхание, в тенистой зоне для пикников неподалеку от служебного входа в аэропорт. По ночам здесь собиралась местная молодежь, они пили, курили травку, из магнитофонов доносились рваные звуки рэпа, но днем здесь, как правило, заседала компания — друзья и знакомые Ральфа, — которую его сосед Билл Макговерн называл «Клубом старперов с Харрис-авеню». Старперы собирались почти каждый день, чтобы поиграть в шахматы, попить джина или просто потреться. Многих из них Ральф знал долгие годы (а со Стэном Эберли они вместе ходили в начальную школу), и ему с ними было вполне комфортно... пока они не становились слишком настырными. Большинство, кстати, вели себя очень тактично. В основном это были настоящие янки, как говорится, старой закалки, и они придерживались того принципа, что человек сам выбирает, о чем ему говорить с другими, и не надо его донимать расспросами.

Как раз во время одной из таких прогулок Ральф впервые заметил, что с его соседом Эдом Дипно творится что-то неладное.

}

В тот день Ральф прошел по продолжению Харрис-авеню гораздо дальше, чем ходил обычно, может быть, из-за того, что на небе собирались тучи, закрывшие солнце, и временами дул прохладный ветерок. Он впал в некое подобие прострации — шел вперед, не думая ни о чем и глядя только себе под ноги. А

}}

потом самолет рейса 445 United Airlines из Бостона пролетел у него почти над головой, возвращая его обратно в мир зубодробительным скрежетом моторов.

Ральф посмотрел, как самолет пролетел над старыми железнодорожными вагонами и над оградой аэропорта и приземлился на посадочную полосу, выпустив клубы синего дыма. Потом он взглянул на часы, увидел, что уже поздно, и перевел взгляд на оранжевую крышу ресторанчика при бензоколонке. Да, он действительно пребывал в прострации; он сам не заметил, как прошел без малого пять миль.

Время Каролины, пробормотал у него в голове глухой голос.

Да, все правильно. Время Каролины. Она сидит сейчас одна, в пустой квартире, считая минуты до того момента, когда ей нужно будет опять принимать «Комплекс Дарвона» или как там оно называется, а он стоит в самом дальнем конце аэропорта... чуть ли не на полпути к Ньюпорту.

Ральф взглянул на небо и только теперь — в первый раз — увидел синюшно-багровые тучи, собирающиеся над аэропортом. Конечно, это еще не значит, что обязательно будет дождь, но если дождь все-таки будет, то скорее всего Ральф под него попадет, а укрыться здесь негде, разве что в маленькой беседке на площадке для пикников, там всегда пахнет пивом.

Он еще раз взглянул на оранжевую крышу маленького ресторанчика, потом сунул руку в правый карман и нащупал там пачку денег, скрепленную серебряным зажимом, который Каролина подарила ему на последний юбилей. Ему ничто не мешало пойти в ресторанчик и вызвать такси до дома... разве что смутное опасение, что таксист сочтет его за идиота. Старый дурак, скажут ему глаза в зеркале заднего вида. Старый дурак, и чего тебя понесло в такую даль в такой жаркий день. Хорошо еще, что ты шел пешком. Если бы ты не пешком шел, а плыл, то на таком расстоянии ты бы давно утонул.

Опять у тебя паранойя, Ральф, сказал внутренний голос, и его покровительственный тон напомнил Ральфу Билла Макговерна.

Что ж, может, оно и так, а может, и нет. В любом случае Ральф решил, что пойдет обратно пешком. В конце концов дождя может и не быть.

А что, если будет не просто дождь? В прошлом году в августе шел такой град, что по всей западной стороне в домах по-выбивало стекла.

— Значит, пусть будет град, — сказал Ральф вслух. — Я так просто не сдамся.

Он медленно пошел обратно к шоссе, продолжению Харрис-авеню, поднимая при каждом шаге маленькие облачка пыли. На западе, где собирались тучи, уже слышались первые раскаты грома. Солнце, хотя и померкшее, все же не хотело сдаваться без боя — резало тучи острыми золотыми лучами и просвечивало сквозь рваные облака, как гигантский кинопроектор. Ральф вдруг понял, что совсем не жалеет о своем решении пойти домой пешком, даже несмотря на боль в ногах и спине.

По крайней мере во всем этом есть один плюс, подумал он. Сегодня я буду спать как убитый.

Аэропорт — акры и акры сухой коричневой травы с ржавыми вагонами, утонувшими в ней, как остатки кораблекрушения — теперь был слева. Вдалеке, за оградой, виднелся «Боинг-747» компании United Airlines. Он казался размером с детскую игрушку и медленно катился по взлетно-посадочной полосе по направлению к маленькому терминалу, который делили United и Delta.

И тут взгляд Ральфа случайно упал на еще одно транспортное средство — это была машина, отъезжающая от главного терминала, который находился в ближней части аэропорта. Она ехала через взлетно-посадочную полосу по направлению к служебному входу в аэропорт, от которого начиналось шоссе — продолжение Харрис-авеню. Ральф повидал немало машин, въезжающих в аэропорт и выезжающих из аэропорта: ворота были всего-то в семидесяти ярдах от того места, где собирался «Клуб старперов с Харрис-авеню». Но когда машина подъехала к воротам, Ральф узнал ее. Это был «датсун» Эда и Элен Дипно... и он ехал по-настоящему быстро.

Ральф остановился, не осознавая, что его руки сами сжались в кулаки в тот момент, когда маленькая коричневая ма-

шинка подъехала к закрытым воротам. Чтобы открыть ворота снаружи, нужна была магнитная карточка, изнутри ворота открывались сами — на фотоэлементах системы электронного слежения. Но датчик был очень близко к воротам, слишком близко к воротам, а машина ехала на такой скорости...

В самый последний момент (или Ральфу только показалось) маленькая коричневая машинка резко затормозила перед воротами, выпустив из-под колес облачка синего дыма, которые напомнили Ральфу о приземлившемся «боинге», а потом ворота начали медленно открываться. Ральф разжал кулаки.

Из окна водителя высунулась рука и замахала вверх-вниз, как бы подгоняя ворота. В этом было что-то настолько нелепое, что Ральф невольно улыбнулся. Но улыбка померкла почти мгновенно. Усиливающийся ветер с запада, где были тучи, донес до него крики водителя «датуна»:

— Ну ты, ублюдочный сукин сын! Недоносок! Урод! Быстрее! Быстрее, мать твою! Чтоб ты всю жизнь жрал дерьмо, козел гребаный!

— Это не может быть Эд Дипно, — пробормотал Ральф. Он сдвинулся с места и пошел дальше своей дорогой, сам того не осознавая. — Это точно не он.

Эд был химиком, работал в Исследовательской лаборатории Хоукинса во Фреш-Харбор, и Ральф всегда считал, что Эд Дипно — один из самых культурных и вежливых молодых людей, кого он знает. И сам Ральф, и тем более Каролина очень любили жену Эда Элен и их новорожденную дочурку Натали. В те тяжелые времена только Натали могла отвлечь Каролину от ее страшной болезни. Элен это чувствовала и достаточно часто приходила к ним в гости с Натали. Эд никогда не был против. А ведь есть и такие люди, которые никогда бы не позволили своей жене бегать к соседям каждый раз, когда их ребенок выкинет какую-нибудь новую очаровательную штучку, и особенно если соседская бабушка тяжело больна. Но Эд к таким не относился. Иногда Ральфу казалось, что этот парень не сможет даже послать человека к черту, не мучаясь потом угрызениями совести, но...

— Ты, мудака гребаный! Шевели своей жирной дерьмовой задницей, сколько ждать можно! Слышишь, ты? Урод!

Но это был голос Эда. Даже на таком расстоянии — две, а то и все три сотни ярдов — было слышно, что это именно голос Эда.

Водитель «датуна» нервно дергал замок зажигания, как ребенок на игрушечной машинке, ждущий зеленого света на светофоре. Облака дыма валили из выхлопной трубы. Как только ворота открылись — даже не до конца, но вполне достаточно, чтобы там мог проехать «датсун», — машина с ревом сорвалась с места и проскочила в образовавшуюся щель. Теперь Ральф сумел разглядеть водителя как следует. Он был достаточно близко, и сомнений уже не осталось: это был именно Эд.

«Датсун» поехал по короткой заасфальтированной дорожке, что вела от ворот к продолжению Харрис-авеню. Вдруг Ральф услышал гудок и увидел синий «форд-рейнджер», который ехал по шоссе и в данный момент отчаянно пытался увильнуть от несущегося ему навстречу «датуна». Водитель пикапа слишком поздно заметил опасность, а Эд, казалось, вообще ничего не видел (только позже Ральф понял, что скорее всего Эд нарочно пошел на таран). Раздался скрежет тормозов и глухой удар — «датсун» въехал в бок «форда». Пикап вынесло на встречную полосу. Капот «датуна» погнулся, крышка отскочила наверх, одна фара отвалилась и упала на асфальт. А мгновение спустя обе машины застыли посреди дороги наподобие некоей жуткой скульптуры.

Ральф еще немного постоял на месте, глядя, как из-под машины Эда вытекает лужица масла. На своем веку — почти семьдесят лет, ни много ни мало — он повидал достаточно автокатастроф. Большинство из них были пустячными столкновениями, но случались и серьезные аварии, и Ральфа всегда удивляло и завораживало, как быстро все происходило и как буднично выглядело — ничего трагичного, если на первый взгляд. Это не кино, когда камера может замедлить показ, и не видеосъемка, где изображение можно пустить по кадрам, если хочется повнимательнее рассмотреть, как машина падает

в пропасть, или прокрутить пленку несколько раз, вникая в детали. В жизни это всегда происходит как серия быстро сменяющихся картинок и сопровождающих их резких звуков: визг тормозов, удары металлических частей, звон разбитого стекла. А потом — *voilà* — все кончено.

Для таких случаев существовал даже некий негласный свод правил поведения: «Как должен вести себя тот, кто попал в аварию на маленькой скорости». Ральф часто думал об этом. В Дерри ежедневно случалось около дюжины пустячных дорожных происшествий — летом и примерно в два раза больше — зимой, когда шел снег и на дорогах был гололед. Вы выходите из машины, тот, с кем вы столкнулись, тоже выходит, вы встречаетесь там, где столкнулись ваши машины, вы смотрите на них, вы качаете головой. Иногда — хотя, если честно, достаточно часто — эта стадия общения сопровождается забористой нецензурной бранью, каждый винит другого (зачастую не разбираясь, кто действительно виноват), каждый делает вывод об умении другого водить машину, каждый вопит, что дело должно пойти в суд. Но Ральфу всегда казалось, что на самом деле все эти люди хотят сказать только одно: *Слушай, дурак, ты напугал меня до смерти!*

Финальным па в этом танце обоюдной скорби был «Обмен сокровенными номерами карточек соцстрахования», и к этому моменту водителям уже, как правило, удавалось худо-бедно контролировать свои эмоции... до обоих наконец доходило, что никто не пострадал. Иногда даже случалось, что под конец водители жали друг другу руки.

И сейчас, похоже, был именно такой случай.

Ральф приготовился понаблюдать — тем более что его «наблюдательный пункт» располагался вполне удобно, меньше чем в ста пятидесяти ярдах от места аварии, — но когда дверца «датсуна» открылась, он сразу понял, что здесь все будет совсем по-другому: что все еще только начинается. И в конце этого представления никто не станет обмениваться рукопожатиями.

Дверца не просто открылась, она распахнулась. Эд Дипно вышел наружу, а потом просто застыл возле своей машины. Его силуэт темнел на фоне сгущающихся туч. На нем были поношен-

ные джинсы и футболка. Ральф вдруг понял, что до сегодняшнего дня никогда не видел Эда в рубашке, которая не была бы застегнута на все пуговицы. И еще у него было что-то на шее: длинное и белое. Шарф? Это было похоже на шарф, но кому придет в голову надевать шарф в такую жару?!

Итак, Эд на мгновение застыл возле своей разбитой машины. Казалось, он смотрел во все стороны, но только не на саму машину. Он резко дергал головой — как петух, который осматривает свой двор, пытаясь понять, не вторгся ли кто чужой на его территорию. И было в этом что-то такое, что встревожило Ральфа. Он никогда раньше не видел Эда в таком состоянии, но это была только одна из причин. Даже не главная из причин. А главная заключалась в том, что он никогда раньше не видел, чтобы хоть кто-то вел себя подобным образом.

На западе громыхнул гром, на этот раз — громче. И ближе.

Человек, вылезший из «рейнджера» был раза в два, если не в три, шире Эда Дипно. Его здоровенное брюхо нависало над ремнем зеленых рабочих брюк, а на рубашке под мышками расползались огромные пятна пота. Свою кепку с надписью «Садовники Вест-Сайда» он сдвинул на затылок, чтобы получше рассмотреть человека, который в него врезался. Его широкое квадратное лицо было абсолютно белым, если не считать двух ярких красных пятен на скулах, и Ральф подумал: *Вот отличный претендент на скоропалительный сердечный приступ. Если бы я стоял поближе, то наверняка бы увидел полопавшиеся сосульки у него в глазах.*

— Эй! — закричал здоровяк на Эда. Голос, исходящий из его мощной широкой груди, был неожиданно и нелепо высоким, почти писклявым. — Ты что, права на рынке купил, придурок?

Эд резко повернул голову на звук, на голос этого большого мужчины — почти что запеленговал сигнал, по крайней мере так показалось Ральфу, — и тогда Ральф впервые увидел глаза Эда. Внутри сразу сработал сигнал тревоги, и он неожиданно для себя сорвался с места и побежал к месту происшествия. Эд между тем шагнул к мужчине в пропотевшей белой рубашке и

кепке. Он шел нетвердой походкой вдугарину пьяного человека, высоко подняв плечи и подволакивая ноги, — это было совсем не похоже на его обычный легкий шаг.

— Эд! — закричал Ральф, но порывистый ветер — холодный и теперь уже явно предвещающий дождь — отнес его слова в сторону чуть ли не раньше, чем он успел их произнести. И конечно же, Эд его не услышал. Ральф побежал быстрее, забыв о боли в ногах и спине, потому что в широко распахнутых, немигающих глазах Эда он увидел смерть. У него, разумеется, не было опыта, на котором могла бы базироваться эта странная уверенность, но тут невозможно было ошибиться: такой взгляд бывает, наверное, у бойцовых петухов, когда их натравливают друг на друга. — Эд! Эй, Эд, подожди! Не надо! Это я, Ральф!

И опять — никакой реакции, хотя Ральф сейчас был так близко, что Эд просто не мог его не услышать, несмотря на усиливающийся ветер. А вот здоровяк обернулся, и Ральф увидел в его глазах страх и неуверенность. Потом он повернулся обратно к Эду и примирительно поднял руки:

— Послушай, мы можем договориться...

И это было все, что он успел сказать. Эд сделал еще один быстрый шаг вперед, протянул свою худую руку — в сгущающихся сумерках она показалась Ральфу очень белой — и ударил Здоровяка по лицу. Звук был похож на выстрел пневматического ружья.

— Скольких ты уже убил? — спросил Эд.

Открыв рот, Здоровяк вжался в свою машину, его глаза широко распахнулись. Но Эд на этом не успокоился: он подошел к Здоровяку вплотную и замер на месте, как будто и не замечая, что водитель пикапа был выше его сантиметров на десять и тяжелее килограммов на пятьдесят, если не больше. Эд снова ударил его.

— Ну давай! Смелее, мальчик. Скольких ты уже убил? — Его голос сорвался на крик, который утонул в первом, настоящему серьезному ударе грома.